

Романов Вадим Владимирович

**За Урал! Рассказ из воспоминаний
о Сибири**

В 2 частях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В12

В12 **Вадим Владимирович Р.**
За Урал! Рассказ из воспоминаний о Сибири: В 2 частях / Романов Вадим Владимирович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 416 с.

ISBN 978-5-519-81120-0

ISBN 978-5-519-81120-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

По узенькой тропинкѣ, которая почти незамѣтно извивалась въ чащѣ вѣкового, непрогляднаго сибирскаго лѣса, ѣхали гусемъ двое верховыхъ, и приглядываясь къ свѣжимъ зарубкамъ, пестрѣвшимъ справа и слѣва на толстыхъ стволахъ лиственницъ и кедровъ, изрѣдка перекидывались односложными восклицаніями. По сторонамъ, высокою стѣною стоялъ лѣсъ, и ничего нельзя было разглядѣть въ его темныхъ нѣдрахъ.

Невозмутимая тишина нарушалась только шлепаньемъ лошадиныхъ копытъ по вязкому грунту, да по временамъ изъ лѣснаго сумрака доносились какіе-то странные, неопредѣленные звуки. Не то стонъ, не то ревъ, глухо вдругъ отдавался изъ-далека, и лошади, чутко поводя ушами, упирались, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, но ласковый окликъ или ударъ нагайки выводилъ ихъ изъ раздумья. Узенькая полоска голубого неба, сквозившая высоко-высоко надъ тропинкой, начинала темнѣть, и усталые кони замѣтно уменьшали размашистый шагъ, которымъ отличаются эти неизмѣнные товарищи и помощники тайговыхъ людей.

— Чтò, Иванъ, далеко до горѣлой сосны? спросилъ ѣхавшій позади, раскуривая трутомъ потухшую папиросу.

— Не далече, коли не обознались, ваше благородіе, отозвался передовой, какъ-то сомнительно вертя въ рукѣ тоже потухшую коротенькую трубочку, неумѣло вырѣзанную изъ куска березоваго корня и соображая: попросить ли у его благородія огня или выкресить его самому.

— Чтò, братъ, у тебя тоже потухла? разрѣшилъ его сомнѣнія молодой человѣкъ и протянулъ ему свою щегольскую спичечницу съ дымящимся трутомъ, запахъ котораго пріятно щекоталъ обоняніе въ лѣсной прохладѣ.

— А—гууу! Ого-го-гоо!.. раскатился по лѣсу звонкій окликъ.

— Ау! Аууу!.. весело отозвался Иванъ, отвѣсивая на радостяхъ здоровенный ударъ нагайки своему гнѣдкѣ.

— Должно быть близко?

— Еще версты полторы будетъ, отвѣчалъ Иванъ, и вновь его громкій крикъ огласилъ лѣсную тишину.

— Неужто такъ далеко слышно? недовѣрчиво спросилъ его спутникъ, сдерживая коренастаго иноходца, который, почуявъ растахъ, порывался впередъ.

— Да вѣдь по тропѣ, какъ по трубѣ доносить; далече слышно коли кто здоровъ горло драть.

Послѣ гулкихъ звуковъ, всколебавшихъ торжественную тишину, въ тайгѣ снова все замерло, и только мѣрно отдавались ускоренные удары копытъ по липкой почвѣ. Прошло съ четверть часа, и передъ усталыми путниками, за однимъ изъ крутыхъ поворотовъ тропинки, выглянула небольшая поляна, отлого спускавшаяся къ неглубокой, но чрезвычайно быстрой рѣчкѣ, прозрачно струив-

шейся по темному, усыпанному разпороди́йшими камнями руслу.

Посреди́ѣ поляны возвышалась громадная сосна, вся почернѣвшая, лишенная своихъ вѣчно зеленыхъ иглъ.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ударъ молніи опалилъ дерево; еще больше, можетъ быть не одно столѣтіе росла эта представительница громадныхъ деревьевъ, которая живутъ, умираютъ и рассыпаются во прахъ среди еще неизвѣданныхъ дебрей сибирской тайги. Сперва звѣровщики, а затѣмъ и золотопромышленники выбрали эту полянку исходнымъ пунктомъ своихъ экскурсій, и опаленная сосна стала служить имъ начальною и конечною точкой тяжелыхъ и рѣдко удачныхъ поисковъ за краснымъ звѣремъ и за тѣмъ могучимъ двигателемъ, средствомъ къ достиженію всего прекраснаго, орудіемъ всего грязнаго и презрѣннаго, причиной радостей и бѣдствій человѣчества, за тѣмъ желтымъ порошкомъ, который и неопытнымъ глазомъ съ разу узнается, и въ грязи блеститъ,—словомъ, за золотомъ.

На полянѣ высился костеръ, накиданный изъ сучьевъ лиственницы, и смолистое дерево весело горѣло, потрескивая и вспыхивая отъ налетавашаго по временамъ вѣтра. У костра копошилось десятка полтора рабочихъ, одѣтыхъ въ побурѣвшіе полушубки, обутыхъ въ дикую обувь, напоминающую истоптанный салогъ и лапти, извѣстную въ Сибири подъ характернымъ названіемъ *бродней*. Бродитъ, подсмѣиваясь надъ лишеніями и непогодой, невольный гражданинъ матушки Сибири, золотого дна, Богъ знаетъ откуда и по какимъ причинамъ занесенный въ тайгу, не знающій устали бездомный поселенецъ, и только его выносливыя ноги свыкаются съ обувью, ко-

торал и промокаетъ, и рвется чуть не по десяти разъ въ сутки.

— Здорово братцы! окликнули рабочихъ подъѣхавшіе путники.

— Здравствуйте, баринъ! бывайте здоровы, Дмитрій Павловичъ! весело отвѣтилъ за всѣхъ рослый и статный малый, Павелъ по имени и Чижъ по прозванію, помогая Ивану разсѣдлывать лошадей.

— А что, Павелъ, обратился къ рабочему Дмитрій Павловичъ, усаживаясь поближе къ костру и расправляя онѣмѣвшія отъ ѣзды ноги,—гдѣ нашъ вожакъ?

— Да что, баринъ, надулъ онъ васъ, какъ пить далъ! По моему влѣпить бы ему дюжины двѣ нагаекъ, да пустить на всѣ на четыре, отозвался Павелъ,—того гляди пойдетъ ненастье, намъ-то съ пола-горя, а вы человѣкъ непри-
вычный. Глядь заболѣете, такъ и намъ плохо будетъ.

— Ну заболѣть-то я не заболѣю, а времени потерянного жалъ. Бить же его, братъ, не за что; я думаю онъ и самъ не меньше нашего злится.

— Это вы правду сказали, баринъ, вмѣшался въ разговоръ одинъ изъ рабочихъ, который исправлялъ должность кашевара и что-то варилъ въ чугунокѣ,—совсѣмъ опустился парень. Сегодня, какъ узналъ отъ Павла, что вы къ вечеру подъѣдете, такъ просто бабой взвылъ. Взялъ свою пицаль, да и побѣгъ. „Куда?“ говорю, а онъ этта рукой махнулъ да и ударился въ лѣсъ. „Скажите, говоритъ, барину что либо живымъ мнѣ не быть, либо я тропку найду“.

По лѣсу прокатился негромкій выстрѣлъ малопульной винтовки; всѣ встрепенулись, а Дмитрій Павловичъ, схвативъ лежавшее подлѣ него двухствольное ружье,

живо выдернулъ его изъ чехла и бѣгомъ кинулся къ рѣчкѣ откуда послышался выстрѣлъ. Иванъ бросилъ лошадей и побѣжалъ за нимъ, держа въ рукахъ солдатское ружье и на бѣгу перемѣняя пистонъ. Остальные не трогались со своихъ мѣстъ и только повернули головы въ эту сторону.

— Охотникъ баринъ-то?.. не обращаясь ни къ кому въ особенности, сказалъ одинъ.

— Ему еще въ новинку послѣ Рассеи-то.

— А крупа-то! крупа! засмѣялся Павелъ,—туда же!

— Это онъ, братецъ ты мой, по пословицѣ: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней, хладнокровно замѣтилъ кашеваръ, осторожно снимая съ огня котелокъ и ставя его на очищенное отъ травы мѣстечко. Запахъ жирныхъ щей разлился въ воздухъ и пріятно защекоталъ обоняніе рабочихъ.

— Гляди изъ-за эфтой охоты щи простынуть, замѣтилъ маленькій и коренастый рабочій, втягивая съ наслажденіемъ соблазнительный запахъ.

— Идолъ! безчувственный! укоризненно сказалъ ему кашеваръ, — нешто Дмитрій Павловичъ когда начнетъ ѣсть, коли мы не всѣ въ сборѣ.

— Это точно... началъ было Павелъ сочувственнымъ тономъ, но въ ту же минуту какъ изъ пушки хватилъ Иванъ изъ своего ружья въ какой-то невидимый еще рабочимъ предметъ... не успѣлъ замолкнуть раскатъ, какъ раздался еще выстрѣлъ, и большой глухарь, кувыркомъ разсѣкши воздухъ, тяжело стукнулся о-земь на полянѣ у самаго костра.

— Дорогонько обошлась птичка, сказалъ кашеваръ, подымая глухаря за лапки,—кто-же стрѣльнулъ-то ее?

— Вѣстимо не крупа, съ хохотомъ замѣтилъ Павелъ, — у нее пулей ружье-то заряжено.

— Ваше благородіе, запальчиво обратился подходившій въ это время Иванъ къ Дмитрію Павловичу, — прикажите ему не ругаться, не то я за себя не отвѣчаю.

— А пусть онъ самъ, ваше благородіе, меня не обзываетъ чижомъ, такъ и о крупѣ помину не будетъ, отвѣтилъ Павелъ.

— Вы вотъ лучше садитесь ужинать, а то у Игната щи стынутъ, порѣшилъ Дмитрій Павловичъ и, подсѣвъ къ огню, принявъ изъ рукъ кашевара небольшую деревянную, лакированную китайскую чашку со щами. — Иванъ, раздай-ка водку, сказалъ онъ, и отвинтивъ крышку у привязанной къ сѣдлу фляги, налилъ въ нее и выпилъ порцію коньяку.

Замахали руки; кладя широкіе кресты, и замелькали ложки надъ котелкомъ. Наступило обычное молчаніе, съ которымъ русскіе люди приступаютъ къ ѣдѣ. Кашеваръ едва успѣвалъ кромсать большой коровой хлѣба, и объемистые куски быстро исчезали одинъ за другимъ. Наконецъ, всталъ одинъ изъ рабочихъ, перекрестился на востокъ, отвѣсилъ молча поклонъ Дмитрію Павловичу, за нимъ другой, и скоро трапеза была окончена.

Кашеваръ собралъ хлѣбныя корки и уже хотѣлъ бросить ихъ въ котелокъ, чтобы покормить остатками щей большую рыжую собаку, которая, настороживъ уши и судорожно выбивая дробь хвостомъ, не спускала съ него глазъ, когда изъ-за сосны показалась новая личность.

— А, Филиппъ! обратился къ пришедшему Дмитрій Павловичъ, — съ какими вѣстями?

— Нашелъ, нашелъ, баринъ! То-есть просто своими руками задую эту шельму, Абдулку; все его пакости. Ужъ я вчера еще смекнулъ, что окромя моихъ еще чьи-то зарубки есть, да не въ домекъ было назадъ пройти. Ну да и походилъ я, братцы мои, скороговоркой продолжалъ новопришедшій, обводя всѣхъ веселымъ взглядомъ и торопливо дѣлясь своими впечатлѣніями. — Теперь хоть глаза мнѣ завяжи такъ и то найду. Только перевалъ больно труденъ, ваше благородіе, не знаю что съ лошадьми будемъ дѣлать. Подъемъ крутой, страсть! а коли въ обходъ, то верстъ восемь крюку дадимъ. Да теперь все едино, съ тропы не собьюсь, самоувѣренно добавилъ онъ, встряхивая волосами и обтирая крупный потъ, выступившій у него на лбу.

— А ты поѣшь и толкомъ Расскажи, сказалъ Игнатъ, протягивая ему ложку.

— Чего поѣшь, у меня теперь все нутро отъ нетерпѣнія дрожить, отвѣтилъ Филиппъ, принимаясь тѣмъ же менѣе за ѣду весьма энергично. — Какъ пошелъ это я утромъ-то, продолжалъ онъ, — думаю, что же это? барина я надулъ, себя осрамилъ, хоть не жить. Даже вотъ ремешекъ потянулъ, съ добродушной улыбкой говорилъ онъ, показывая тонкій ремешекъ, служившій ему вмѣсто перевязи у ружья, — значить коли къ вечеру не оправлюсь, порѣшу съ собой совѣмъ. Иду это, а самъ все смотрю на зарубки: и моя-то да не моя. Вдругъ я возми влѣво, анъ зарубки-то съ двухъ сторонъ! Я смотрѣть, а тамъ крестомъ пасѣчка, значить поворотка должно быть, а тѣ-то зарубки прямо идутъ. Я влѣво ударился, смотрю, тутъ уже чисто мой топоръ ходилъ. „Эге! думаю, это по моимъ зарубкамъ-то, по первымъ, кто-то гулялъ!“ Ну

ужь попадись мнѣ Абдулка, ребра не досчитаетъ. Это какъ святъ Богъ!

— Да почему ты Абдулку подозрѣваешь? спросилъ его Дмитрій Павловичъ.

— А то кому-жъ? Теперь люди-то либо на промыслахъ, по пріискамъ, либо по хозяйству дома. Кромѣ его, собаки, кто пойдетъ въ эту пору на звѣря? Это онъ, подлець, какъ у васъ въ городѣ былъ, должно быть пронюхалъ, что въ развѣдку пойдемъ, ну и пошелъ. А вы ему еще пороху шельмѣ подарили. Ну да ужь изувѣчу!

— Что-жъ ты до мѣста дошелъ?

— Да версты съ полторы оставалось, думалъ было идти, но вспомнилъ: а какъ къ утру назадъ не поспѣю? Такъ и побѣгъ обратно.

— Ты что ли глухаря-то спугнулъ? спросилъ Павелъ, взрѣзывая птицу чтобы выпотрошить.

— Какого глухаря?

— Кто-то въ лѣсу стрѣлялъ, объяснилъ Дмитрій Павловичъ,—да промахъ далъ. Онъ и сюда вылетѣлъ...

— У меня и ружье-то разряжено, а порохъ мой да пульки у Игната. Неужто это Абдулка коло насъ ходитъ? не то радостно, не то злобно спросилъ Филиппъ, подымаясь съ мѣста.

— Ну ты объ Абдулкѣ на время забудь, остановилъ его Дмитрій Павловичъ,—а теперь, помолившись, ляжемъ-ка спать. Утромъ со свѣтомъ позавтракаемъ, да и въ путь.

Не многосложны приготовленія ко сну у тасжныхъ людей. Въ костеръ подбавили дровъ, у лошадей осмотрѣли путы, прибрали въ одно мѣсто снятые вьюки, связки лопатъ и ломовъ, а затѣмъ, закутавшись кто въ кошму,